

ВЕЛИКИЙ НАУКОВИЙ ПРОЕКТ

Олег ПАНФИЛОВ

ПОХИЩЕННЫЕ ДЕТИ
КАВКАЗСКИХ ВОЙН
XVI–XIX ВЕКА

ТОМ 2

ГЕОГРАФИЯ АМАНАТСТВА

Черкесские народы

Кумыкское шамхальство

Харьков
«ФОЛИО»
2023

От автора

Аманатство в период Кавказских войн было распространено на всей территории Кавказа — черкесы и кумыки были первыми, постепенно ни один народ не остался «обделенным вниманием» российской армии и «благосклонностью» московских, а потом российских царей и императоров. В 80-х годах XVI века первые дипломатические контакты Московского царства с черкесами (кабардой) начались с насилия — требования подписать шерть с признанием покровительства Федора Иоанновича, последнего из Рюриковичей, царя набожного и, по свидетельству английского дипломата Джайлса Флетчера, человека слобоумного.

Его предшественник и отец Иоанн (Иван) IV Грозный ввел аманатство в отношения между государствами, взяв в 1561 году в жены черкесскую княжну Гуэщэней (Марию Темрюковну). При нем же аманатом был ее брат Салтанкул (Михаил Темрюкович). Великий князь Московский и всея Руси еще не имел военной возможности захватить черкесские земли, но стать покровителем желание уже было. С 1560 года Москва пыталась подавить кумыков, послав воеводу Ивана Черемисинова-Караулова захватить город Тарки (на территории нынешнего Дагестана). В 1586-м аманатом был взят потомок крымского хана Саадет II Герай, которого через год убили по приказу московского царя, а в октябре 1588 года русский посол в Иране князь Григорий Васильчиков заявил, что после смерти *«государь наш брата его Мурат-Кирея царевича и цареву Сеадет-Кирея царя царицу и сына его Кумык-Гирея пожаловал, велел им бытии по тому ж в своей государевой вотчине в Астрохани»*.

Астрахань становилась вторым русским городом после Москвы, где содержались аманаты, там были созданы соответствующие условия, построены «аманатные избы» для содержания под стражей заложников. После распространения русской экспансии и захвата Терского города (Терки) аманатов стали селить и там. По свидетельству путешественника Эвлия Челеби, это была в давние времена «маленькая крепость, принадлежащая кумыкам». При русской власти Терки разрослись, стали укрепленной крепостью, а также местом содержания заложников в «аманатском дворе».

В начале XVI века здесь уже находились чеченские аманаты, о чем свидетельствует челобитная «окоцкого» мурзы Кохострова Бийтемирова и служилых окочан царю Михаилу Федоровичу, написанная в 1617—1621 годах:

«...И в прошлом, государь, во 124-м году служил яз, холоп твой государев, тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, из Окоцкие земли с твоим государевым терским сыном боярским Степаном Савиным и привезли из Уварские земли в твою царскую отчину в Терской город аманаты».

Терки и Астрахань становились центрами — главными местами заключения кавказских аманатов. В XVII веке первыми грузинскими аманатами стали тушины (тушинцы), которые упоминаются в «Отписке терских воевод Д. А. Волховского и дьяка Д. Г. Карпова в Посольский приказ с изложением царской грамоты о разведывании Тушинской, Пшавской, Хевсурской и Шибутской земель и с сообщением об отпуске из Терского города в Астрахань девяти тушин и двух шибутян». Документ датируется не позднее ноября 18-го 1657 года, а к подавлению кавказцев уже причастен царь Алексей Михайлович Романов, отец Петра I, которому холопы Митька Волховской, Митька Карпов челом бьют и докладывают: *«Как приедет на Терек грузинского Теймураза царя гонец азнаур Ива[н] Мамукин и Тушинской земли посланники Солтан Максимов с товарищи да толмач Роман Зиновьев, и по твоему государеву указу велено нам, холопом твоим, отпустить их ис Терского города в Тушинскую землю не замотчав».*

С продвижением политических интересов и русской армии расширялась территория аманатства: в 1586-м — заложники берутся у ногайского бия Уруса до разгрома Большой Ногайской Орды, в 1621 году — взяты аварские аманаты, в 1629-м — калмыцкие, в 1725-м — лезгинские, в 1726 году — азербайджанские, в 1757-м — ингушские, в 1762-м — карабулакские, в 1771-м — осетинские, в 1821—1822 годах — карачаевские и балкарские.

Эти даты условные, определены по найденным и опубликованным документам, они связаны с историческими событиями продвижения Московского царства и Российской империи на Кавказ. Вместе с оружием Россия внедряет в отношения с кавказскими государствами, владениями и народами аманатство, исказив его суть для удовлетворения собственного тщеславия. До того на Кавказе аманатство было мерой доверия между конфликтующими сторонами на основе адатов, Россия превратила его в способ шантажа и форму унижения.

В этом томе использованы тексты документов, хранящихся в различных архивах, свидетельства очевидцев — военных и историков тех времен, а также фрагменты из публикаций исследователей, в которых цитируются архивные материалы или воспоминания. Все документы — фрагменты или представленные полностью — подаются с сохранением их стиля, орфографии и пунктуации. Также восстановлены написания топонимов и имена упомянутых людей, даже если были впоследствии искажены; в авторском тексте, в описании историй каждого выявленного аманата приводится по

мере возможности реальное написание имен. Для удобства читателей заменены буквы дореформенной письменности: — ъ (ять), Ө (фита), V (ижица) и і (I) (кириллица).

Описание географии аманатства начинается с территории черкесских народов и кумыкского шамхальства, они первыми подверглись русской экспансии, и именно отсюда аманатство, как способ шантажа, распространилось по всему Кавказу. Данные по остальным территориям Северного и Южного Кавказа будут приведены в третьем и четвертом томах, которые являются логическими продолжениями второго. Часто, особенно в документах XVI—XVII веков, упоминаются события, связанные сразу с несколькими государственными образованиями, например Кабардой и Кумыкским шамхальством. Отделить их невозможно, публикуются они в том разделе, которому посвящена бóльшая часть текста документа.

Можно предположить, что собранный в издании материал всего лишь часть, хотя и значительная, из тех сведений об аманатах, которые были известны начиная со второй половины XVI века.

В публикуемых документах или их фрагментах сохранена грамматика и орфография того времени.

Черкесские народы

Черкесы — группа народов, говорящих на адыгских языках абхазо-адыгской языковой группы, искусственно разделенного в советское время на адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов.

Согласно европейским источникам XVI—XVII веков, историческая география Черкесии, территория расселения черкесов, «начиная от Кафы до Ширвана», занимает не только значительную часть Северо-Восточного Причерноморья, но и Приазовья, и Прикаспия. Географическое пространство Черкесии в первой трети XIX века составляло 2/3 территории северной части Кавказа, примерно 180 тыс. кв. км. Численность ее населения определялась в разных источниках от 2 375 487 человек до 4 000 000.

Регулярные отношения с Москвой начали устанавливаться ещё в XIII—XV веках. Московская экспансия в южном направлении не могла развиваться без поддержки народов региона. В период становления Московского княжества русско-адыгские связи имели форму совместного военного сотрудничества, в 1552 году адыги вместе с русскими приняли участие во взятии Казани. Первое черкесское посольство прибыло в Москву в ноябре 1552-го. Всего в 1550-е годы в Москве побывало три посольства с Северо-Западного Кавказа: в 1552, 1555 и 1557 годах: они состояли из представителей западных адыгов (жанеевцев, бесленеевцев и др.), восточных адыгов (кабардинцев) и абазинцев, которые обращались к Ивану Грозному с просьбой о покровительстве. В 1561 году Иван Грозный женился на дочери известного кабардинского князя Темрюка Идарова. После крещения в Москве она стала царицей Марией.

По заключении Адрианопольского мира в 1829 году, когда все османские владения на Кавказе перешли к Российской империи, адыги должны были перейти в российское подданство, отказ от подчинения вызвал их долготельную войну с Россией. Война закончилась в 1864 году депортацией большинства адыгов в Турцию и принудительным выселением оставшихся с гор на плоскости.

1588

Озова: «На рубеже 1580—1590-х гг. связи между Московским царством и Кабардой продолжали представлять «союз двух государств»: «Отношения между сторонами строились на грамотах, в которых кабардинские князья клялись

в верности, а русские цари обещали их защищать». В 1588 году пщышхуэ Кабарды Канбулат Идаров для подписания шертной грамоты в связи с воцарением Федора Ивановича (1584—1598) направил в Москву посольство. Шерть была подписана в июле главой посольства пщы Мамстряко Темрюко, пщы Куденетом Канбулатуко (Канбулатовичем) и пщы Ельбаздуко Битуко (Битуевичем). Она была «ратифицирована» «Жалованной грамотой царя Федора Ивановича кабардинскому князю Канбулату Идарову и всей Кабардинской земле».

В шертной записи и «Жалованной грамоте царя Федора Ивановича кабардинскому князю Канбулату Идарову и всей Кабардинской земле» 1588 г. была намечена цель: установление протектората царя «над всей Кабардинской землей». Для ее достижения князья Идаровы обязались распространить «покровительство» царя и на другие кабардинские княжеские роды. Важным инструментом в реализации этой стратегии стало требование к князьям Идаровым предоставить не только своих закладов для закрепления шерти, но и — от других княжеских родов Кабарды, являвшихся на тот момент союзниками крымского хана. Пщы Идаровы дали клятву: «на государевых непослушников вместе з государевыми воеводами ходити ратью, и во государеву волю их ко государеве вотчине к Астрахани и к Терскому городу в государеву волю их приводити и заклады у них поимати». Неудивительно поэтому, что вопрос о шертовании и закладах кабардинских князей приобрел в 1580-е годы для российско-кабардинских отношений остроту. В Терской крепости для кабардинского заклада был построен специальный двор. Первым закладом вызвался стать ходатай о построении крепости Терки, подписавший шерть 1588 года, шурина царя Ивана Грозного, герой русских исторических песен и сказаний пщы Мамстряко Темрюко (Мамстряк Темрюкович). Вместе с ним должен был прибыть в Терки и сын пщышхуэ Кабарды Канбулата князь Хакего (Аикягу, Хьэкиагуэ)».

* * *

5 августа грамотой Посольского приказа терскому воеводе Хворостинину предписывается принять меры «об отпуске на Терку» князя Мамстряка Темрюкова и мурзы Кундета Камбулатова для «посылки служивых людей» против Шолоха Тапсарукова с братьями и племянниками и детьми, да Кайтукова рода Тепшнук-князя Асланбека да Жансоха «со всею братьею», чтобы их «воевать и приводить к Терскому городу... в наше жалованье и заклады у них поимати (аманатов)».

1589

2 июня клан Идаровых вновь принес шерть царю. Шертную грамоту подписали пщы Мамстряко Темрюко, сыновья покойного пщышхуэ Канбулата, первосте-

пенные дворяне (тлекотлеши) Анзоровы и их вассалы в количестве 46 человек. Согласно новой шерти, пщы Идаровы направили в качестве заклада в крепость Терки князя Хакего (Аикягу), который провел там все лето. А после него «...осеневати и зимовати в Терском городе» должен был в закладе пщы Мамстриюко. «А Мамстриюк оставил узденя своего лутчего аталыка Елтюву, а Хотов пришет сына своего Адарука».

* * *

3 июня 1589 года Посольский приказ уведомил о значении в Кабарде рода Хотова (тлекотлеша Хату Анзорова): «Хотов в Кабарде именитой человек; все кабардинские князи и мурзы и уздени слушают ево во всем и на княжонье на большое у них без нево посадить никово нельзя; и Мамстриюк, государь, и Очекан и Куденек добре ево чтят пред собою. И он с нами, с холопи твоими, о всем договорился потому ж, что ему тебе, государю, служити и сына в заклад прислать». Князь Андрей Хворостинин также докладывал царю, что ему удалось добиться от тлекотлеша Хату Анзорова обещания содействовать в приведении всей Кабарды «под твою государеву руку, Асланбеков весь род и иных черкас, и на княженье на большое без твоего государева указу никого не посадити».

* * *

Отписка терского воеводы Хворостинина в Посольский приказ о приведении к шерти кабардинских мурз Темрюковых и Канбулатовых, Хотова Анзорова, о взятии у них аманатов и др., от между июня 9 и сентября 7:

«Государю царю и великому князю Федору Иванович и всеа России холопы твои Ондреей Хворостинин с товарищи челом бьют.

Писали мы, холопи твои, к тебе, ко государю, о кабардинских черкасах, что приезжали к нам, холопом твоим, Мамстриюк да Хотов да Канбулатовы дети, Очекан да Куденек да Аикяга, и их уздени лутчие для твоего государева дела о договоре, как им быти под твоею государевою рукою и тебе, государю, служити. И мы, холопи твои, по твоему государеву наказу с ними о том договорились и к шерти привели Очекана да Куденека да Аикягу Канбулатовых детей, да Хотово да узденей их 46 человек июня в 2 день, что им тебе, государю, служити и кабардинских черкас привести под твою государеву руку Осланбека-князя и Шолоха з детьми и з братьею и с племянники и всех черкас, а к Турскому им и к Крымскому и к Шевкальскому не приставати и о всяких о твоих государевых делех к нам, холопом твоим, в Терской город приезжати и с вестьми людей своих присылати и на недруга на твоего государева на всякого снами стояти заодин. А приведчи их, государь, к шерти, заклад взяли Канбулатова сына Аикягу; а быти ему у нас до осени, а осеневати и зимовати в Терском городе Мамстриюку. А Мамстриюк

оставил узденя своего лутчего Елтюку, а Хотов пришлет сына своего Адарука. И мы, холопи твои, жалованье им твое государево дали и их узденем, а пожаловав отпустили их к себе. А что дано твоего государева жалованья сукон и денег, и мы, холопи твои, тому роспись послали к тебе, ко государю. А для того, государь, давали им твое государево жалованье, чтобы иные земли, на то смотря, приложились к твоему государеву к Терскому городу.

Да июня, государь, в 9 день приезжал к нам, холопом твоим, не Кумык Доманук Темрюков сын от шевкала князя, а говорил нам, холопом твоим. — Присылал де к шевкалу из Дербени турецкой паша чоуша того проведати: Турскому ли шевкал хочет служить или Московскому. И шевкал деи отказал, что не хочет служить ни Турскому, ни Московскому, а хочет жити о себе; а к вам де приказал шевкал, что хочет он быти под государевою рукою. Да Доманук же нам, холопом твоим, сказывал, что приказывал с ним шевкал, а велел проведати: быти ли государеву городу вперед на Терке, не будет ли ему покидки. И мы, холопи твои, ему сказали, что государь, в которых землях города ни ставит, тут не мечет. А к шевкалу мы, холопи твои, писали и словом з Домануком приказывали, чтоб прислал сына своего или узденя своего лутчего, с кем договоритца, как ему быти под твоею государевою царською рукою. А как, государь, шевкал пришлет сына своего или узденя лутчего и договор учинит и веру даст, и мы, холопи твои, о том тебе, государю, ведомо учиним. А Доманука, государь, привели ж к шорти, что ему тебе, государю, служить, а к Турскому и к Крымскому не приставати и детей своих в Кабарду послати в свой кабак та сам хочет жо ехати к себе в Кабарду, устроясь, что со всем житьем живот в Кумыках. А приведчи его к вере и жалованье твое государево ему дали.

Да здесе, государь, ставитца поруха великая твоему государеву делу в толмачех, что послати в Шевкалы и в Грузи и в Тюмень и в Черкасы, и в иные земли неково, толмачев нет. А прислали к нам из Астарахаии толмачей полонеников, которому год минул, как вышел ис полону, а иному и нет году. И мы, холопи твои, тех толмачей посылати не смеем: преж того прислали к нам из Астарахани такова ж толмача Юшка Федорова полоненика ж; и мы посылали его для твоего государева дела в Тюмень к Салтанею князю, и тот толмач ис Тюмени побежал в Ерпели. И мы о том к тебе, ко государю, писали.

Да здесе, государь, Мамстрюк да Хотов да Капбулатовы дети Ачекаи да Куденек говорили нам, что им к нам черкас неимспитых приводити к шорти далече; и нам бы послати на Суншу на старое городище твоего государева дворенина, кому их к шерти приводити. И мы, холопи твои, послали Олексея Тимофеева сына Петрова да с ним сотника стрелецкого с стрельцы и с казаки.

Да Мамстрюк же, государь, да Хотов, да Канбулатовы дети Очеканда Куденек привозили к нам, холопом твоим, тамгу с кумыцких людей и с нагайских, а имали, сказывають, на Сунше на перевозе. А тамги, государь, два коня да кобыла да обрески тафты и зендени. И мы, холопи твои, не взяли. А прежтово при-

слал Мамстрюк жо да Канбулатовы дети Очекан да Куденек с Канбулатовым же сыном с Аикягою тамгу с кумыцких же людей, а мы, холопи твои, о том писали к тебе ко государю и роспись послали, что тамги привез. А у нас, холопей твоих, о том в твоём государеве наказе не указана; а написано, что не велено имать пошлин с торговых людей, которые учнут приезжати в твой государев Терской город. И к нам, государь, в Терской город нагайские и кумыцкие люди не приезжают; а ездят, государь, нагаи в Кумыки торговати, а кумыки в Нагаи. И тех, государь, нагаев Казыева улусу, которые с кумыки торгуют, терские казаки, которые остались на Терке, громят. А мы, холопи твои, о том терским казаком заказали накрепко, чтоб по перевозом никаких людей нехромил. И ты нам, холопом своим, о том свой государев указ учинил.

Да здесе, государь, написано у нас, у холопей твоих, в твоём государеве наказе, что велено нам грамоты, которые к тебе, ко государю, о терских делах, посылати в Астарахань. И в Астарахани, государь, твоим государевым грамотам мотчанье великое: колыш будут из Астрахани к тебе, ко государю, какие дела, тож и наши грамоты пошлют к тебе ко государю. И нам бы, холопом твоим, в том от тебя, государя, в опале не быти, что от нас вскоре к тебе, ко государю, ни о которых твоих государевых терских делах ведома не будет.

А с семи грамотами послали к тебе, ко государю, пятидесятника казачья Ульяна Уракова июня в (число в тексте отсутствует. — *Прим. авт.*) день. А през тово послали к тебе, ко государю, грамоты о всяких о твоих государевых терских делах с астраханскою конною станицою с казаком з Богдашком Сергеевым февраля в 24 день. Да послали мы, холопи твои, с конною ж станицою с юртовскими татарами с Курмышем да с Елтугапом грамоты ж марта в 27 день. И те, государь, грамоты из Астарахани твой государев боярин и воевода князь Федор Михайлович Троекуров с товарищи послали к тебе, ко государю, с конною станицею с Степаном с Шестаковым; и тож государь, станицу наганские люди погромили и побили. И мы, холопи твои, послали к тебе, ко государю, со всякими твоими государевыми терскими делы, что было наперед сево послано, и з городо-вым делом и со всякими иными здешними делы князя Якова Шохонского мая в 7 день».

* * *

30 июля грамота была зачитана князю Шолоху в присутствии пщы Мамстрюко Темрюко. В ней говорилось, что царь пожаловал старшего князя Талоустанея Шолоха, его сына пщы Алкаса и его племянника, пщы Ибака, *«под свою царскую руку»*. Главным условием союза было *«от нас неотступны и к Турскому и к Крымскому и к иным нашим ни к которым недругам не приставали, а стояли б есте с нашими с Астроханскими и с Терскими воеводами на всех наших недругов заодин; а для укрепления прислал бы еси в заклад*

в наш в Терский город к нашим воеводам племянника своего Ибака, а к нашему царьскому величеству в службу прислал сына своего Алкаса, чтоб тебе з братьею своею и з детьми и с племянники в нашем жалованье надежным быти». Князьям Талоустановым предлагалось приезжать в Терский город, чтобы жить там попеременно. Особо оговаривалась помощь посольству князя Звенигородского: «и вы б наших послов провожали, до коих мест пригоже, чтоб им до Иверские земли и назад до Терского города пройти здорово». Такая же грамота была прислана и князю Алкасу.

* * *

12 сентября приехал к послу на обозначенное место на Сунже приходившийся царю Александру Кахетинскому дядей старший князь Джиляхстаней Алкас Джамурзин. Он предложил князю Семену Звенигородскому свою помощь в переправлении посольства в Грузию, но отказался для этого клясться в верности царю и давать в заклад сына. Между тем послы имели на руках приказ, без выполнения которого не могли двинуться в путь: «...кого в заклад пришлют <...> Солох и Алкас княз Кабардинские <...>, и вы б заклад держали у себя в Терском городе бережно и корм им давали, как бы им бытии без нужи в то время, как послы наши сходят из Иверские земли или как придут в Иверскую землю. А почнут будет в Иверской земле наши послы зимоват, — и вы б тех закладных мурз отпустили, а зимою их не задержали у себя. А как почаете наших послов из Иверские земли, — и вы б тогда опять заклады у них взяли, чтоб как им пройти бесстрашно». Ответ князя Зенигородского: «...Сам ты, Алкас, хочеш едеш, хочеш не едеш провожати. Видиш сам, что государевых людей с нами много; да нас же проважают все Кабардинские князи. А ты государю шерту и заклад дай; а без закладу статись тому государеву делу не мочно».

* * *

Пщы Шолох, так же как и пщы Алкас, был вынужден дать клятву и заклад из-за опасности разгрома удела. Его закладом стал первостепенный уорк Бикан — посланник, только что возвратившийся из Москвы. Отданные в заклад уорки Асланбек и Бикан отправились с казацким головой Василием Онучиным в Терский город. Вскоре у пщы Алкаса были захвачены казаками и стрельцами в заклад еще три его вассала, которых терские воеводы хотели обменять на сына старшего князя Джиляхстаней. 25 ноября пщы Алкас нанес прощальный визит перед возвращением в Кабарду князю Звенигородскому, который упрекал пщы Алкаса, что он до сих пор не отправил сына в Терки, вопрошая: «И то твоя перед великим государем нашим которая правда?»

«И Алкас князь говорил: то сделалось грехом моим да вашею неправдою. Как мы с Солохом князем великому государю шертовали, и тогда о том с вами говорили, чтоб нам проводить гостей своих, и вы надо мною сделали подвох меня велели безчестити. А которого мне было сына своего прислати ко государевым воеводам в Терский город, — и яз того своего сына не застал, не стало его до меня. А ныне у меня остался один сын того у меня хочет взятии Александр царь к себе, а без того меня отпустить не хотел; и яз ему на том правду дал, что прислати сына своего, а ему узденей моих ис Терского города у вас выпросити». Князь Алкас говорил: «хочю ему государю служитьи и до своей смерти; и вас провожати готов. А в сыне своем не ведаю, как быти». Однако Звенигородский был непреклонен и требовал доставки требуемого заклада в Терки.

* * *

В своей отписке в Москву терский воевода Хворостинин докладывал, что 14 октября вновь избранный пщышхуэ Кабарды Жансох Кайтуко дал шерть в Терском городе «за всю Кабарду». Он обязался прислать в качестве аманата в Терский город своего сына Сортмана: *«А доколе пришлет сына в заклад, и до тех мест бытии в закладе Мамстряку. И мы, холопи твои, Янсоха-князя с товарищы отпустили, а в закладе оставили Мамстряка»*. Из семи сыновей князя Жансоха, старшим из которых был Сортман, в заклад был отдан младший, седьмой сын Чюжей.

* * *

Бесланев: «В ноябре 1589 года против него был послан казачий голова Григорий Полтев с отрядом стрельцов в 750 человек, к которым присоединились дружины Янсоха Кайтукина и Мамстряка Темрюкова. В результате этого похода тридцать селений Талостании были разорены. Князь Шолох Тапсаруков дал Полтеву в аманаты своего сына, внука шамхала, находившегося у него во время войны, и 20 лучших своих узденей. Но это не привело к объединению Кабарды. В грамоте кахетинскому царю Александру сам Полтев об этом писал так: «По государеву наказу пришел есми в Кабарду ноября в 21 день на государевых непослушников, которые под государевою рукою быти не хотели, а дружбу держали с турскими людьми и с крымским царем и с шевкалом и с кумыцкими людьми. И я пришел с государевыми людьми с вогненным боем, а со мною черкаская рать, повоевал и пожог и всее Кабардинскую землю подо государеву руку привел и дорогу х тебе очистил и твоих послов не Кабарды х тебе отпустил. И в той есми войне обмер лошадьми, и тебе бы, государю, пожаловати меня, прислати, на чом бы было против ваших недругов сидети;

да пожаловати бы тебе меня саблею. А то дело, а моя служба, вобще ваше. А ныне смышляем итти на Кумыки». Междоусобная борьба в Кабарде продолжалась и в 90-е годы XVI века. Звание старшего князя у Янсоха Кайтукина отняли силой. Старшим князем попытался стать Мамстрюк Темрюков, которого «государь пожаловал княжеством Кабардинским», хотя по всей видимости... «в Кабарде княженства ему не дано было». Это и вызвало трагическую смерть Мамстрюка и его брата Даманука».

* * *

Шолох Тапсаруко по-прежнему не порывал отношений с шахом и крымским ханом, что вызвало в ноябре 1589 года поход казачьего головы Григория Полтева, который вступил в Кабарду 21 ноября 1589 года, имея в своем распоряжении казаков и «черкесскую рать», *«повоевал и пожог, и все Кабардинскую землю под государеву руку привел»*. В грамоте С. Г. Звенигородскому Полтев докладывал, что с ним в походе участвовал *«кабардинский Янсох-князь [Жансох] и ево племянники Казый-мурза з братьею и Осланбековы и Булатовы [Камбулатовых] дети, и многие мурзы»*. На сей раз Шолох дал Полтеву в аманаты своего сына, внука шамхала, и с ним двадцать лучших узденей.

* * *

Шаова: «Отношения обострились так, что Идаровы и Кайтукины объединились в борьбе против «государевых изменников». По их просьбам в конце 1589 года на Шолохову Кабарду был послан казачий голова Григорий Полтев с большим отрядом стрельцов и «черкесской ратью» кабардинских владельцев Янсоха Кайтукина и его племянников, Казыя Пшеапшокова «с братьею» и Камбулатовых. Разгром был полным: более 30 кабаков «выжжены» и «вывоены» на пространстве от Сунжи до Дарьяла. Шолох «вышел пешк Григорию Полтеву» из своего княжеского селения и выдал в знак покорности аманатов (сына, 20 человек лучших узденей и внука шамхала Тарковского, жившего у него «в закладе»). Полтев известил грузинского царя Александра, что он «очистил» к нему дорогу и привел всю кабардинскую землю «под государеву руку».

1590

В июне в Терки вернулось посольство князя Звенигородского. Старший князь Джиляхстаней Алкас Джамурзин и сын старшего князя Талоустаней Алкас Шолохов сопровождали их от Сванети. Из закладов, взятых ранее у пщы Алкаса Джамурзина («Апшов да Сланук да Асланбек»), *«которые были*

в закладе в Терском городе для посольского провожания», первые двое были отпущены; первостепенный уорк Асланбек оставлен в Терках; терский воевода требовал от князя Алкаса Джамурзина приехать для повторной шерти.

1601—1604

В аманатах от пщышхуэ Шолоха находился его старший сын пщы Хорошай. В условиях смуты в Кабарде и Московии, как сообщал в 1601 году терский воевода Сумников, пщышхуэ Кабарды Шолох пытался вызволить из закладов своего сына Хорошай через посредничество персидского шаха Абаса I: *«чтобы ты, государь, пожаловал, велел отдати Солохова сына Хорошай без закладу Солоху»*. Очевидно, вскоре состоялся обмен аманатами: вместо пщы Хорошай в Терки прибыл племянник пщышхуэ Шолоха Суркай, сын пщы Ибака Салтанбекова (Салтанбек-мурза, Сланбек, линия Кардана Талоустанова). Встреча Хорошай в 1604 году в Джиляхстанее с послом царя Бориса Годунова в Грузию Татищевым, позволяет говорить о том, что этот обмен состоялся между 1601—1604 годами.

1603

Князь Сунчалей Канклычевич сам указывал, что расширение круга кабардинских аманатов было результатом его усердия к службе: *«Поимал в заклад на Терек аманаты <...> у черкасских князей, которые при прежних государей в оманатех не бывали <...> и к шерти их всех привел, что им всем служити и прямити всем тебе, Великому государю»*. По материалам кабардинского посольства ко двору царя Бориса Годунова, в аманатах в 1603 г. находились: От пщышхуэ Кабарды Шолоха Тапсаруко (≈1596—1616), пщы; Суркай — сын Ибака Салтанбекова (Салтанбек-мурза, Сланбек) (линия Кардана Талоустанова), племянник пщышхуэ; От старшего князя [Большой] Кабарды Кази Пшеапшоко (...—1616) (Казыя мурзы Шекшюкова, Пшаопшока-мурза), пщы; Женым (Яным) — «брат ево Яны мурза Канукин» — шестой сын князя Кайтуко (Кануки), скорее всего, приходился племянником старшего князя Кази Пшеапшоко; От старшего князя Джиляхстаней Айтека (Айтэч) Кошова (≈1603—≈1614), пщы; Айдемир (Айдемир, Айдемид) — «сын» (скорее, внук от сына Ахлоу) Айтека Кошова; От князя Мудара Алкасова (Джиляхстаней), пщы; Кази (Козый) — сын Мудара Алкасова («Мардара мурзы сын ево Казы мурза», Мундар).

1606

В связи с воцарением Василия Шуйского кабардинские князья подписали новую шертную грамоту. По этому поводу в Москву в 1608/1609 году был отправлен посланник первостепенный уорк Кардан Индороко (Гордан

Индороков). Согласно сведениям, полученным от него в Посольском приказе в Терках находились следующие заклады: От пщышхуэ Кабарды Шолоха Тапсаруко (~до 1596—1616), пщы; Лорсан/«Люварсан Шелохов сын» — или брат пщышхуэ Шолоха; (Лорсан Тапсаруко), или, скорее всего, его родной племянник, Лорсан — сын князя Пышты Тапсаруко; От старшего князя [Большой] Кабарды Кази Пшеапшоко, пщы; Женым («Яным»); От старшего князя Джиляхстанея Айтека Кошова, пщы; Дударуко — из фамилии потомков Джамурзы Джиляхстан, на что указывает имя его отца: «Дударук, Янмурзин сын»/Джамурзин (Джан-мурза); Мудар — сын князя Алкаса (Олкаса) Джамурзина, во второй раз (~1609—~1614). Первый раз он был аманатом в ~1589—~1597 гг.; От старшего князя ИдариИ Ильдара Куденетовича (?), пщы; «Асланбек Юдаров сын» — очевидно, аманат от Идаровых, сын князя Ильдара Куденетовича.

1608

В Терский город дали аманатов известные кабардинские князья Шолох, Казый, Айтек, Янсох, Идар.

1609

В аманатах по-прежнему находились: два заклада от Джиляхстанея и по одному — от Талоустанея, [Большой] Кабарды и ИдариИ.

1610

По челобитью Гирея терские воеводы посылали мурзу Сун-чалея на Салтан-Магмута должен был быть челом о принятии его «в холопство». Таким благоприятным отношениям не мало содействовал мурза СунчалеЙ Янглычев, которому царь Михаил, вследствие его челобитной, в которой он выставлял свои действия, что он *«поймал заклад в Терек аманаты у Кумыцких и Черкасских князей, которые при прежних государях в оманатах не бывали»*, — царь велел *«быть за его службу над Окоцкими князем»*.

1613

Отписка терского воеводы Волынского в Посольский приказ о приведении к шерти Казыевой Кабарды, от не ранее июня 10:

«Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа РусиИ холопи твои Михалко Волынской, Ефимко Самарин, Васька Атарской челом бьют.

В нынешнем, государь, во 151-м году февраля в 20 день в твоей государево цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа РусиИ грамоте ис приказу

Сыскных дел за приписью думного дьяка Михайла Данилова писано к нам, холопом твоим, на Терек, что по твоему государеву указу отпущен от тебя, государя, с Москвы Муцал-мурза Черкасской, а с ним узденей ево б человек. И как Муцал-мурза на Терек приедет, и нам бы Муцалу-мурзе и узденем ево велеть быть на Терке попрежнему. А то б Муцалу-мурзе нам, холопом твоим, говорить, чтоб он, будучи на Терке, помня свою шерть и правду, тебе, великому государю, служил и брата своего Алегуку-мурзу и Будачееву жену и дети и кабаки ис Кабарды взял и посадил на реке на Сунше, и Алегуку и Ходождуку мурз под твою государскую высокую руку приводил, что им быть под твоею государскою высокою рукою в вечном холопстве навеки неотступным.

А самим бы нам, холопом твоим, свестись с Муцалом-мурзою, послать от себя в Кабарду к Алегуке и Ходождуке мурзам дворенина да толмача добрых, а с ними Муцаловых узденей, колько человек пригож. И от себя к ним нам, холопом твоим, отписать, что он, Алегук-мурза, наперед сего на Терек приезжал, и на Терке тебе, великому государю, правду свою дал, на куране шерть учинил за себя и за дядью свою и за детей своих и за племянников и за узденей, что им быть под твоею государскою высокою рукою в вечном холопстве. И после того они правду свою и шерть нарушили, от твоей государские высокие руки отступили и твоих, государевых послушников, Алегуку Сунчелеева сына и Будачее[ву жену и] детей и кабаки к себе взяли и ныне у себя держат поневоле [и чтоб они от] своих неправд отстали, тебе, великому государю, добили [челом] [и ви]ны св[ои] принесли и были под твоею государскою высокою рукою по-прежнему в вечном холопстве навеки неотступны; и приехали б на Терек, и на Терке тебе, великому государю, правду свою дали, на куране шерть учинили, а ехали на Терек не боясь ничево, а были б надежны на твою государскую милость; и Алегуку Сунчелеева сына и Будачееву жену и дети и кабаки отпустили на Терек или отдали Муцалу-мурзе; а которой аманат ево Алегукин сын ныне не Терке, и они б тому аманату на перемену привезли нового аманата доброво из детей своих или из братьи.

А Муцалу-мурзе нам, холопом твоим, говорить, чтоб он з дворенином и с толмачом послал к Алегуке и к Ходождуке узденей своих, колько человек пригож, а с ними к Алегуке и к Ходождуке писал и приказывал и промышлял всякими мерами, чтоб они были под твоею государскою высокою рукою в вечном холопстве навеки неотступны, а для шертованья приехали на Терек и правду свою тебе, великому государю, дали, на куране шерть учинили на Терке, и на перемену прежнему аманату привезли с собою нового аманата доброво из детей своих или из братьи кому б было мочно верить. Да и то б, государь, нам, холопом твоим, Муцалу-мурзе говорить, чтоб ему и вперед к Алегуке и к Ходождуке мурзам писать и узденей своих посылать с нашего, холопей твоих, ведома. А о чем к ним учнет писать или узденей своих посылать, и он бы про то нам сказывал и письмо, что учнет писать, объявлял, чтоб нам, холопом твоим, про те дела, с кем и о чем

учнет посылать и писать, было ведомо. А без нашего б, холопей твоих, ведома Муцал-мурза к Алегуке и к Ходождуке ни о чем не писал и никою не посылал.

А как Муцал-мурза брата своего Алегуку и Будачееву жену и дети и кабаки из Кабарды у Алегуки и Ходождуки мурз з братьею возмет и привезет на Терек, и нам бы, государь, Алегук-мурзу и Будачеевых детей привести к шерти, что им быть под твоею государскою высокою рукою со всеми своими уздени в вечном холопстве навеки неотступным, и на реке на Сунше с кабаками своими строитца, и от твоей государские высокие руки никуда не отступить. А привести их к шерти по образцовой записи, какова образцовая запись на Терке. И велети б нам, холопом твоим, Муцалу-мурзе брата своего Алегуку и Будачееву жену и детей и кабаки свои устроить на реке на Сунше в крепких местех, чтоб им от кабардинских и от нагайских и от калмыцких мурз утеснения и изгони не было. А для строения с Муцалом-мурзою на реку на Суншу отпустить голову и с ним детей боярских и стрельцов конных, сколько человек пригож. А приказати б, государь, тому голове, как Муцал-мурза брата своего Алегуку и Будачееву жену и дети и кабаки учнут на реке на Сунше строить, и у него б в те поры были для обереганья сторожи крепкие и бережение великое, чтоб кабардинские и нагайские и калмыцкие мурзы, пришед безвечно, какова дурна не учинили, и держати б нам, холопом твоим, на Сунше голов и сотников и детей боярских и стрельцов для обереганья, покаместа они кабаки свои устроят, а строитца им велеть не мешкая. А как, государь, Муцал-мурза брата своего и Будачееву жену и дети и кабаки свои устроят, и нам бы, холопом твоим, ратным людям велеть быть на Терке попрежнему.

А будет, государь, на реке на Сунше на Муцалова брата на Алегуку и на Будачееву жену и детей и на их кабаки придут для изгони и для войны кабардинские и нагайские и калмыцкие мурзы, и нам бы, холопом твоим, тому голове приказать, чтоб он тем мурзам говорил, что Муцалов брат Алегук и Будачеева жена и дети и кабаки под твоею государскою высокою рукою и в том месте они устроены по твоему, царского величества, указу, и они б на них вперед не приходили и не воевали и с того места не згоняли... (опущено изложение статей, утвержденных царем Михаилом Федоровичем. — *Прим. авт.*)

...А как у нас, холопей твоих, твое государево дело учнет деетца, и сами ль Алегук и Ходождук мурзы для шертованья и на Терек будут, и что они при нас, холопах твоих, каких речей учнут говорить, или они в свое место пришлют на Терек шертовать брата своего, или, государь, на урочном месте с Алегукою и с Ходождукою съезд будет и на урочном месте шерть дадут, и что Муцала-мурзы которая служба и раденье и промысл над Алегукою и Ходождукою будет и нам объявитца, и нам, холопом твоим, велено о том о всем отписать к тебе, государю, подлинно; да и впредь, государь, о Муцаловых службах и о всяких ево промыслах к тебе, государю, писать, а никаких ево служб не таить. А отписку, государь, велено подать в приказе Сыскных дел боярину князю Борису Олександровичю

Репнину да окольникову князю Федору Федоровичю Волконскому, да думному диаку Михаилу Данилову.

И в нынешнем, государь, во 151-м году до сей твоей государевы грамоты декабря в 30 день писали к тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, к Москве мы, холопи твои, с терским станичником с сотником стрелецким с Романом Лихачовым, что по прежнему твоему государеву указу послали мы, холопи твои, х кабардинским к Алегукке да к Ходождукке мурзам з братьею, и в Малой Нагай к Салтану да к Наврузу мурзам з братьею терского служилого новокрещена Петрунку Ондреева с товарищи. А с ними по твоему государеву указу писали мы к ним, чтоб он, Алегук-мурза, з братьею, помня к себе твою государскую милость и жалованье и свою и правду и шерть, в своих неправдах исправилсь, и вину свою к тебе, великому государю, принесли и были б на твою государскую милость и на жалованье надежны, и впредь от твоей государской милости были неотступны, и правду тебе, великому государю, дали, и приехали б из них, которой ни есть, на Терек, а будет сами за которым размышленьем не поедут, и они б прислали из братьи своей, ково ни есть, и тебе, великому государю, перед нами, холопи твоими, шерть учинили, и аманатов бы сынов своих прямых для укрепления и правды в Терской город прислали, и полонеников твоих государевых людей, которых они поймали с Кельмамет-мурзою Черкаским, отпустили в Терской город, и жили б на старых своих кочевных местех, и были б под твоею царскою высокою рукою навеки неотступны. А в Малой, государь, Нагай к Салтану и к Наврузу мурзам з братьею писали мы, холопи твои, по тому ж, что он, Салтан и Навруз мурзы з братьею, по твоему государеву указу и по своей шерти и договору, на чом они тебе, великому государю, шертовали и души свои дали, по той своей правде прислали и Терской город в аманаты сына своего прямо, а с тем бы аманатом приехал из них, мурз, которой ни есть, и тебе, великому государю, перед нами, холопи твоими, шерть свою подкрепили, и твоим государевым жалованьем их, мурз, обнадеживали.

И ноября, государь, в 24 день приехал в Терской город ис Кабарды Алегук-мурза княж Сунчалеев сын Черкаской и нам, холопем твоим, сказал, что услыша де он, Алегук, твою государскую милость к матери своей ко кнегине Желегоше и к братье своей, к Будаچهю и к Муцалу мурзам, что ты, государь, их пожаловал попрежнему, и он де к твоей государской милости приехал в Терской город, а в Кабарде де у Алегукки-мурзы Казыева он был в неволе. А ныне де Алегук-мурза с ним к нам, холопем твоим, приказал, что деды их и отцы и он, Алегук-мурза з братьею, и со всем своим владеньем искони вечные твои государевы холопи, а отстали де было они от твоей государские милости поневоле, потому что приходили де на них и на их кабаки войною Кельмамет-мурза Черкаской, собравсь с ратными людьми, и хотели их разорить, и они де потому от твоей государские высокие руки и отстали. И только де твоя государская милость к нему, Алегукке-мурзе з братьею, ныне будет, и велишь, государь, им быть

под своею государскою высокою рукою в холопстве попрежнему и ково к нему с твоим государевым милостивым словом мы, холопи твои, с Терка пришем, и он де, Алегук-мурза з братьею, и со всем своим владеньем под твоею государскою высокою рукою попрежнему в холопстве быти готов. И как де будет в Терской город Муцал-мурза Черкасской, и он де, Алегук-мурза к твоей государской милости будет в Терской город сам и правду тебе, великому государю, даст, на куране шерть подкрепит.

Да Алегук же де, государь, мурза приказывал с ним, с Алегую княж Сунчалеевым, к нам, холопом твоим, про мурз Малово Нагаю, что де Малово Нагаю Алей-мурза Ураков да Хлюстен-мурза Касаев да Аслан-бек-мурза Каспулатов з братьею и с своими улусы под твоею государскою высокою рукою в холопстве быть хотят, а опречь де, государь, твоей государской милости никуды не хотят.

А новокрещен Нетрунка Ондреев, которого мы, холопи твои, послали в Кабарду к Алегук-мурзе и в Малой Нагай, в Терской город не бывал.

И как, государь, Муцал-мурза приехал на Терек, и по твоему государеву указу мы, холопи твои, велели ему, Муцалу-мурзе, и узденем ево быть на Терке попрежнему, и по твоей государеве грамоте ему говорили, чтоб он, номня душу свою и правду, тебе, великому государю, служил и брата своего Будаचेю жену и дети и кабаки ис Кабарды взял и посадил на реке на Сунше, и Алегую и Ходождуку мурз привел под твою государеву высокую руку в холопство попрежнему. А брата ево Муцалова Алегую княж Сунчалеева сына по твоему государеву указу мы, холопи твои, на Терке привели к шерти на том, что ему быть под твоею государскою высокою рукою со всеми своими уздени в вечном холопстве навеки неотступным, и на реке на Сунше с кабаками своими самим строитца, и от твоей государские высокие руки никуды не отступить. И во всем тебе, великому государю, Алегук-мурза княж Сунчалеев сын Черкасской душу свою и правду дал перед нами, холопи твоими, на куране шерть учинил по обрасцовой записи, какова обрасцовая запись на Терке в твоей государеве съезжей избе.

И после, государь, того, марта в 3 день, свестяся мы, холопи твои, с Муцалом-мурзою Черкаским, посылали мы, холопи твои, с Терка в Кабарду к Алегук-мурзе да к Ходождуке мурзам Казыевым з братьею, к нагайским мурзам терского сына боярского Ондreja Сенина да толмача Гришку Ортемьева, а Муцал-мурза Черкасской от себя посылал узденей своих Бикшу Алеева с товарищи 12 человек. И с ними мы, холопи твои, писали к Алегук-мурзе и к Ходождуке мурзам з братьею, что он, Алегук-мурза, наперед сего в прошлом во 140-м году к твоей государской милости на Терек приезжал и на Терке тебе, великому государю, правду свою дал, на куране шерть учинил за себя и за дядью свою и за детей своих и за племянников и за узденей, что им быть под твоею государскою высокою рукою в вечном холопстве. И после того они правду свою и шерть нарушили, от твоей государские высокие руки отступили и твоих государевых послушников Алегую Сунчалеева сына и Будаचेю жену и кабаки к себе взяли. И Алегук-мурза княж Сунчалеев сын Черкасской

к твоей государской милости в Терской город приехал, а они, Алегук и Ходождук мурзы, к твоей государской милости в Терской город сами не будут и Будачееву жену и детей и кабаков не отдадут, держат у себя в неволе. И чтоб они, Алегук и Ходождук мурзы, помня к себе твою государскую милость и жалованье и свою правду и шерть, на чем он, Алегук-мурза, будучи наперед сего в Терском городе, тебе, великому государю, душу свою дал, на куране шертовал, в своих прежних неправдах исправилась и вперед прежних своих неправд отстали, тебе, великому государю, добились челом и вины свои принесли и были под твоею государскою высокою рукою попрежнему в вечном холопстве навеки неотступны. И приехали бы они, Алегук и Ходождук мурзы, на Терек сами, и на Терке тебе, великому государю, правду свою дали перед нами, холопы твоими, на куране шерть учинили. А ехали б они, Алегук и Ходождук мурзы, к твоей государской милости на Терек безо всякого сумненья, не боясь ничево, а вины их все ты, великий государь, велел им отдать, и вперед, государь, те их вины воспомяновенны не будут, а были б они в том надежны на твою государскую милость.

И Будачееву жену и детей и кабаки их от себя отпустили на старые их места, где они жили наперед сего, или отдали Муцалу-мурзе Черкасскому, и аманата своего, что ныне на Терке, Телгизбия-мурзу, переменял он, Алегук, сыном же своим от прямые жены. И велели, государь, сыну боярскому Ондрею Сенину и толмачю Гришке их наговаривать всякими мерами и обнадеживать твоим государевым жалованьем, чтоб они, Алегук и Ходождук мурзы, однолично ныне правду свою к тебе, великому государю, явну учинили, ехали к твоей государской милости с ними вместе безо всякого сумненья и без боязни и на твою государскую милость были б надежны. И как они, Алегук и Ходождук мурзы, правду свою явну учинят, и вины свои тебе, великому государю, принесут, и будут под твоею государскою высокою рукою попрежнему в вечном холопстве, и приедут к твоей государской милости в Терской город сами, и на перемену прежнему своему аманату привезут с собою инога доброво аманата из детей своих или из братьи, и Будачееву жену и детей и кабаки отдадут, и мы, холопы твои, тое все их правду отпишем к тебе, великому государю, к Москве тотчас; и от тебя, великого государя, за тое их правду и за исправленье и за покоренье будет им твоя государская милость и жалованье, и велишь их ты, великий государь, держать в своем царском милостивом жалованье и в призренье и от недругов их во оборони и в защищенье; и на приезде им и аманату их, которого они с собою привезут, в Терском городе будет твое государево жалованье, корм и платье и сукна, и береженье свыше прежнего.

А Муцал-мурза Черкасской писал от себя к Алегуке и к Ходождуке мурзам с уздени своими, з Бикшею Алеевым, лист, и тот, государь, лист присылал к нам, холопом твоим, в съезжую избу. И мы, холопы твои, тот ево Муцалов лист велели перевести, и с того листа перевод послали к тебе, государю, к Москве под сею отпискою.

Да с ним же, государь, Ондреем, и с толмачом Гришкою писали мы, холопи твои, в Малой Нагай к Салтану да к Наврузу мурзам х княж Касаевым детем Исламова з братьею, чтоб они по своей шерти и договору, на чом они тебе, великому государю, шертовали и души свои дали, по той своей правде прислали в Терской город в аманаты Салтан или Навруз мурзы сына своего доброво от прямые жены, а с тем аманатом приехали б они сами которой-нибудь и тебе, великому государю, правду дали перед нами, холопи твоими, шерть свою подкрепили, а мы то их исправленье по тому ж отпишем к тебе, великому государю.

И апреля, государь, в 4 день сын боярской Ондрей Сенин и толмач Гришка с товарищи приехали в Терской город, а с ними прислали Алегука и Ходождука мурзы с листом Кабацких узденей своих Анфоку да Тлепшоку да Безруку с товарищи 13 человек. И сын боярской Ондрей Сенин и толмач Гришка подали нам, холопом твоим, доезду своего память, а в доезной, государь, их памяти написано, что де они Алегуке и Ходождуке мурзам лист отдали и по наказной памяти от нас, холопей твоих, им говорили и наговаривали де, государь, их всякими мерами.

И Алегук де, государь, и Ходождук мурзы приказали с ними к нам, холопом твоим, что де они холопи твои государевы, и будут под твою государскою высокою рукою в холопстве попрежнему вовеки безотступно, и вперед твоему государеву указу послушны не будут, а ехать де им ныне на Терек с ним, Ондреем, не мочно, потому что кочуют от Терского города далеко. А ныне де приехали к ним в кабаки из Крыму и из Темрюк и из Ножанар и из Бесленеев многие крымские люди и живут у них в кабаках. И только де им ныне с ним, Ондреем, ехать на Терек, и без них де о их поезде крымские люди учинят тотчас в Крым веетьг а ныне де крымская рать в зборе, идут с турскими ратными людьми к Азову, а хотят ставить по Дону городы, и сведают то, что они, Алегук и Ходождук, поедут к твоей государской милости в Терской город, и без них де пришел кабаки их развоюют и до контха их разорят. А со всеми де им людьми и с кабаками своими и з Будачеевыми ныне итти на старые свои, кочевные места не мочно, что у людей их попахан на сабанах хлеб и на конские и на животинные стада учинился падеж великой.

А Будачеевы де жены и детей и кабаков ево им ныне без себя под Терской город на старое место отпустить потому ж не сметь некоторыми, мерами, только де и то сведает турской и крымской царь и рнясь ими, что они, Алегук и Ходождук мурзы хотят быть под твою государскою высокою рукою в холопстве попрежнему и Будачеевы кабаки от себя отпустили под Терской город, велит их потому ж до основанья разорить. А как де, государь, турские и крымские ратные люди ис под Азова пойдут в свою землю, и они де, Алегук и Ходождук мурзы, з братьею с своими и з Будачеевыми кабаками тотчас пойдут кочевать на прежние свои кочевные места к Терскому городу и Будачеевы кабаки от себя отпустят и сами они, Алегук и Ходождук мурзы, к твоей государской милости, в Терской

город будут и аманата на перемену прежнему аманату с собою привезут. А ныне де они послали от себя с ним, Ондреем, в Терской город к нам, холопом твоим, лутчих своих кабацких узденей Анфоку да Плепшу да Безруку с товарищи и чтоб, государь, выехать к ним, мурзам, ис Терского города для договору Муцалу-мурзе княж Сунчелееву сыну Черкасскому на реку на Куру на урочище на Нижнюю изголовь.

А другой де, государь, лист, что послали мы, холопи твои, с ним, Ондреем, и с толмачом з Гришкою в Малой Нагай к Салтану да к Наврузу мурзам з братьею, взяли у них они, Алегук да Ходождук мурзы, и сказали им, что де ныне их к ним с тем листом отпустить они не смеют, только де на дороге возьмут их в полон турские или крымские люди, и им де бы не навесь за то на себя твоего государского гневу. А Салтан де и Навруз мурзы ныне кочуют не с ними, себе улусами от них подалеку. А на степи де турских и крымских людей умножилось, ездят беспрестанно. И они де, Алегук и Ходождук мурзы, тот лист пошлют к ним вскоре с людьями своими,

А лист, государь, что они, Алегук и Ходождук мурзы, прислали к нам, холопом твоим, послали мы, холопи твои, к тебе, ко государю, к Москве, запечатав лист твоею государевою печатью Терского города.

А уздени, государь, Алегуки и Ходождуки мурз Анфока и Тлепшока и Безрука с товарищи, которые приехали от Алегук и от Ходождук мурз с сыном боярским с Ондреем и с толмачом з Гришкою, нам, холопом твоим в роспросе сказали те ж речи, что и в доезной памяти написано.

Да с ними ж, государь, с Ондреем с товарищи приехали ис Кабарды терской служилой юртовской татарин Тлевова табуна Тугагаева Чховайко да Муцал-мурзы Черкасского татаровя 2 человека, которых мы, холопи твои, посылали в Кабарду в провожатых с новокрещеном с Петрункою-Ондреевым. А в роспросе нам, холопом твоим, сказали, что де их на дороге на Куме реке на Можарском городище погромили донские казаки, лошадей отогнали и их всех побили, а новокрещена Петрунку взяли в полон жива и повезли с собою, а он де, Чювайко, сам третьей с того бою у них ушел в лес; и шли до Кабарды по Куме реке ночью. И в Кабарде де, государь, под Пяти Горами взяли их карачаевские черкасы, а у тех де карачаевских черкас взял их Алегук-мурза Шагануков к себе в кабаки и держал у себя. И как де, государь, приехали с Терка к Алегуке и к Ходождуке мурзам в кабаки сын боярской Ондрей Сенин да толмач Гришка Ортемьев, и он де, Алегука-мурза, с ними их отпустил на Терек.

И апреля де, государь, в 5 день велели мы, холопи твои, Алегукиным и Ходождукиным узденем Анфоке да Тлепшоке да Безруке с товарищи, которые приехали с сыном боярским с Ондреем и с толмачом з Гришкою, быть к себе в съезжую избу и по твоему государеву указу им говорили, чтобы они мурз своих наговорили, чтобы они однолично к твоей государской милости ехали в Терской город сами безо всякого сумнения и без боязни, не опасаясь ничего, и вины их

все ты, великий государь, велел им отдать. И наговаривали, государь, их на то всякими мерами по многие дни, и наговоря и пожаловав твоим государевым жалованьем сукнами, и дав им в дорогу корм, примеряся к прежнему, отпустили с Терка в Кабарду к Алегуке и к Ходождуке мурзам апреля ж в 13 день.

А ис Терского, государь, города поехал к Алегуке да к Ходождуке мурзам для договору Муцала-мурзы Черкаского брат Алегук-мурза княж Сунчелеев сын Черкаской. А мы, государь, холопи твои, послали с ним к ним, к Алегуке и к Ходождуке мурзам, твоих государевых служилых людей новокрещенов Васью Иванова, мурзу да конных стрельцов Стеньку Тимофеева с товарищи 35 человек. И Алегуке и Ходождуке мурзам мы, холопи твои, от себя писали, что они, Алегук и Ходждук мурзы, писали и приказывали к нам, что они холопи твои государевы вовеки неотступные и вперед твоему государеву указу послушны не будут.

А ныне сами к твоей государской милости в Терской город с сыном боярским с Ондреем Сениным и с толмачом не приехали, и то они учинили кабы упрямством и твоему государеву указу противясь чинятца послушны, или чево опасуютца, а наперед того он, Алегук-мурза, во 140-м году приезжал на Терек сам и тебе, великому государю, правду свою дал, на куране шерть учинил за себя и за братью свою и за детей своих и за всех своих узденей, что им быть под твоею государскою высокою рукою в вечном холопстве. А ныне б они, Алегук и Ходждук мурзы, попрежнему б приехали на Терек не опасаясь ничево, а вины их вперед воспоминаенны не будут, и обнадеживали, государь, их твоим государевым жалованьем всякими мерами, чтоб они того не учини[ли], что им не быти самим к твоей государской милости в Терской город, а ехали б однолично, не опасаясь и не боясь ничево. Да что они, Алегук и Ходждук мурзы, к нам писали и приказывали, что Малово Нагаю мурзы, которые с ними во единачестве, Ураковы и Урмаматевы и Шейдяковы и Казыевы дети, договорясь положились во всем на них, Алегуку и на Ходождуку мурз, и они б, Алегук и Ходждук мурзы, тебе, великому государю, послужили и правду свою тем явну учинили, тех мурз Малово Нагаю привели под твою государскую высокую руку в холопство попрежнему и приехали б они с ними, с Алегукою и с Ходождукою мурзами, потому ж не опасаясь ничево, и аманатов бы с собою привезли добрых, детей своих от прямых жон. А как, государь, они, Алегук и Ходждук мурзы, к твоей государской милости сами приедут и мурз Малово Нагаю с аманаты призовут и своего аманата с собою привезут и души свои и правду тебе, великому государю, дадут, перед нами на куране шерть учинят, и мы, холопи твои, тое их правду и службу отпишем к тебе, великому государю, тотчас. И ты, великий государь, за тое их правду и за службу пожалуешь своим государевым жалованьем свыше прежнего и велишь их держать в своем царском милостивом жалованье и в призренье и от недругов их во оборони и в защищеньи. А уздени ево Анфока и Тлепшока и Безрука с товарищи пожалованы твоим государевым жалованьем, сукнами, и отпущены к ним, к Алегуке и к Ходождуке мурзам, без задержанья.

Содержание

От автора	3
Черкесские народы	6
Кумыкское шамхальство	342
Список сокращений.....	423
Приложение	427